

11 КРУГОЛОМ 70

З

2

СТРАНИЦА БИОГРАФИИ

ЗНАНИЕ

История сохранила этот эпизод как «заговор Локкарта». Чаще называют его «заговором послов».

Сэр Роберт Гамильтон Брюс Локкарт в 1918 году возглавлял британскую миссию в Москве. Разъезжал по стране, пользуясь дипломатической неприкосновенностью. В хитрой сети мятежей, диверсий, заговоров, которую он сплел, казалось, нельзя было сыскать и малую брешь.

Он уже отчетливо различал итог своего плана: крушение Советов, убийство Ленина. На него работали дипломаты и резиденты, войска интервентов, высадившиеся на Севере, остатки белой гвардии...

Долгое время считалось, что советским чекистам удалось нащупать Локкарта и распутать клубок «заговора послов» волей простого случая. Но вот снят с некоторых документов гриф «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»...

...Открыл дверь хозяин. Я догадалась, что это — он. Ответил на мое приветствие тоже по-латышски:

— Лабрит! Доброе утро.

Я вглядываюсь в собеседника, вижу его молодым, таким, каким он был, когда получил задание Революции.

Я записываю рассказ человека, которого Локкарт считал надежным, но знал под совсем другим именем, рассказ чекиста Яна Яиовича Буйкиса.

— Мне было двадцать лет,— вспоминает Ян Янович,— когда в Латвию вступила кайзеровская армия. Дорога для меня была одна — в латышские стрелки. За три месяца до Октября я стал коммунистом. Главным моим советчиком был отец: он участвовал в революции пятого года, хорошо понимал, с кем нам по пути.

Потом был февраль восемнадцатого. Немцы подошли к Тарту, в Ревеле образовалось белое правительство. На партийном собрании решили, что нашему полку следует мвлыми группами переправляться по льду Чудского озера и двигаться на Нарву, где Карл Петерсон формировал красногвардейские отряды.

Эту переправу не забуду. Трещит мороз, ветер такой, что валит на лед. И не согреться: тростника много, но он сгорает на ветру мгновенно.

В Нарве нам было приказано идти к Петрограду. Советское правительство переезжало в Москву. Один из эшелонов сопровождал я с другом детства Яном Серогисом. Так мы с Яном оказались в Москве.

РЕВОЛЮЩИИ

Прямо с вокзала пошли на Покровку, в латышскую секцию большевиков. С нами обстоятельно поговорили. И вдруг: «Будете работать в ЧК. Борьтесь с контрреволюцией». Предложение было неожиданным и почетным. Мы с Яном и не подумали отказываться. Если нужно революции — значит, нужно и нам. С предписанием, выданным в латышской секции, прибыли на Лубянку.

Когда я вошел в кабинет Дзержинского, председатель ВЧК показался мне чересчур строгим, суровым. Я даже подумал: «Нелегко, наверное, сработать с таким начальником». Но очень скоро стало мне стыдно за поспешные опасения. Феликс Эдмундович позаботился даже о том, чтобы нас с Яном накормили с дороги. Дзержинский расспросил, что я делал для революции, объяснил, чем мне придется заниматься, и сказал, что назначает мвля комиссаром оперативного отдела.

Ровно через месяц Дзержинский вызвал нас:

— Товарищи Буйкис и Спрогис, в стране чрезвычайное сложное положение. Судя по всему, зреет заговор против Советской власти. Партия поручает вам вернуться в Петроград, попытаться проникнуть в одну из контрреволюционных организаций...

После этого разговора я стал Шмидхеном. А мой друг — Бриедисом...

Фрида СЕРДЕЧНАЯ

Рига — Москва

31 августа 1918 года Локкарт был арестован. 14 лет спустя в своей книге «Буря над Россией» Локкарт писал: «Так я и не встречаюсь, не знаю участи этого Шмидхена. То ли он расстрелян, то ли награжден за раскрытие крупного заговора». На второй звуковой странице вы услышите рассказ чекиста, раскрывшего «заговор послов», человека, настоящего имени которого Локкарт так и не узнал.

Документ, выданный советскому чекисту резидентом британской разведки в Москве. Таким знал Яна Буйкиса Феликс Дзержинский (1918 г.). Таким запечатлел его наш фотокорреспондент (1970 г.).

КРЕСТЬЯНЕ ДЕРЕВНИ КАШИНО

Последние осенние дни. По утрам иней густой, нал снег. Трава до середины дня хрустит под ногами. Дважды в сутки топят печи. Обнты войлоном двери, обклеены бумагой окна, между рамами на белой вате сидят снегириями крупные яблони.

Вокруг Кашина налились свинцовой тяжестью дали. Кажется, вот-вот, кружась, повалится на землю хлопья первого снега. Поля, люди, машины — все отдыхает после бессонных недель уборочной. Потому сегодняшний пасмурный день не нахнется мрачным; он

*В ЗВУКОВУЮ
КНИГУ О ЛЕНИНЕ*

В. И. Ленин и
Н. К. Крупская
среди крестьян деревни
Кашино на празднике,
посвященном открытию
Кашинской электростанции.
50 лет назад такая
машина дала первый ток
в крестьянские дома.

приятен, как тихий вечер после горячего и трудного дня.

В этом году колхоз «Путь Ильича» в деревне Кашино стал хозяйством с почти двухмиллионным доходом.

— Лыны были хороши, — говорили мне, объясняя этот замечательный успех.

Особым знаком отметила история эту подмосковную деревню. Здесь впервые в истории России в крестьянской избе вспыхнул свет электрической лампочки.

Автобус останавливается в центре Кашина, напротив музея.

Музей — добротный крестьянский дом с широким фасадом, резным карнизом и наличниками. Точно такой, каким был дом Кашиных, возле которого сделана знаменитая фотография: «В. И. Ленин и Н. К. Крупская среди крестьян деревни Кашино». С этой фотографии, вернее, с ее увеличенной копии, и начинается осмотр экспонатов — путешествие в далекий 1920 год.

Каждый, наверное, видит в ней что-то свое. Кашинские ребята ищут прадедушен, спорят, отстаивая свои «фамильные» права. А тех, кто из фотографии, кто были тогда детьми, — их уже немного. 37 кашинцев ушли в 1941-м на фронт. 233 не вернулись домой.

Немного осталось тех, кто встречал Ленина 14 ноября 1920 года. Директор музея Иван Степанович Ошмарин показывает из фотографии черноусого молодца.

— Похож?

— Похожи.

— Вот так. Был мне тогда 31 год, — говорит Иван Степанович.

Сейчас мастерские, где полвека назад была поставлена электромашинка, отстроены заново. На месте старого здания растут яблони, стоят дома. Новые мастерские поставили из краю деревни. Из окон видна всхолмленная пологими волнами даль.

— Вот она, машинка. — Иван Степанович похлопывает ладонью по саженообразному лорусу. Чугун отзывается глуховатым внутренним звоном.

Машинка эта — сооружение вроде десятиведерного самовара, и которому сбоку пристроено огромное тяжелое колесо с длинной ременной передачей на динамо. Вот и вся электростанция.

Иван Степанович объясняет:

— Конечно, по нынешним временам мелновата. Но вот помню, как дали свет в дома. Ведь люди

Иван Степанович Ошмерин — старейший житель села Кашино, участник встречи с В. И. Лениным, ныне директор Мемориального музея в Кашине.

В центре села Кашино — памятник В. И. Ленину.

Фото А. Лидова.

мудрым ленинским напутствием, то перемены покажутся разительными. Первая электростанция давала свет в два десятка крестьянских домов, сегодня хозяйство потребляет более восьмисот тысяч киловатт-часов электроэнергии в год. В 20-х годах на кашинских общественных лугах работал один голенастый «Фордзон», сейчас в колхозе 40 тракторов и 25 автомашин. А ведь после 1941 года все пришлось начинать сначала: Кашино было сожжено дотла. Можно было бы много рассказывать о знаменитых кашинцах Татьяне Тихоновне Родионовне и Николае Ми-

молились, плакали, смеялись, из дома в дом бегали и не могли поверить, что такой приятный свет и ним пришел...

И начали тогда же сбываться слова нешего деревенского кузнеца Дмитрия Христофоровича Родионова. Он говорил: «Электричество поможет нам в каждом деле». Он-то и голова всему делу. На фотографии он рядом с Надеждой Константиновной.

...У меня, — продолжает Иван Степанович, — есть у меня одна мечта. Только не знаю, нан и ней подступиться. Хочу, понимаешь ты, трактор «Фордзон» достать и комбинированную молотилку, чтобы полную картину историческую восстановить. Уже и место им нашел. Здесь, возле электростанции, под навесом поставим. Ведь эти машины нам тоже помог Ленин достать. Пусть люди видят, с чего колхоз «Путь Ильича» начинался.

Электростанция, молотилка — веки на пути кашинских крестьян в социализм. И если проследить этот путь от истоков, освещенных

хайловнче Карабанове, что возглавляли колхоз «Путь Ильича» без малого четверть века, о солдатах Сорокиных и Волынцеве, что прошли по дорогам Великой Отечественной от Кашина до Бухарста и Праги, о сотнях людей с известными кашинскими фамилиями, что трудятся сейчас на полях и фермах колхоза.

Я уезжал из Кашина осенним вечером, и мне казалось, я вижу старинную машину, движенье ее большого тяжелого колеса. И тот первый, наверное, не очень яркий свет, что вспыхнул в окнах кашинских изб.

Слышу рассказ старого человека. С каждым словом его приближается прошлое и, наконец, прервав тяжелую завесу пяти десятков лет, обступает со всех сторон...

И. ЦИБУЛЬСКИЙ,
специальный корреспондент
«Кругозора»

Село Кашино,
Московская область.

путешествие с ЭХОЛОТОМ

3

Галина ГОЛОВИНА,
специальный корреспондент «Кругозора»

«...В Баренцевом море шторм...»

Тан обычно заканчивается осенью и зимняя метеосводки морских синоптиков.

Да и летом бывает: налетит снежный заряд, в одну минуту все потемнеет, вздыбится волны, вззоет ветер. В трех метрах ничего не увидишь...

А по Баренцу, так называют его моряки, пролегла одна из главных морских дорог. Баренц богат рыбой. В любое время года его бороздят рыболовецкие флотилии.

Безопасность движения судов обеспечивают гидрографы. «морские регулировщики» — так они в шутку себя называют. С ними я выхожу в море. Ведет корабль капитан Александр Георгиевич Клафтон.

Чем-то он удивительно похож на тех капитанов, которых представляли мы в детстве после увлечительных книг. Плечистый, уверенный в себе, чуть-чуть неуклюжий. На нем толстый рыжий свитер, знойвестка. Прядь светлых волос треплет свежий ветер... Только вот традиционной короткой трубки-носогрейки не хватает.

Утром, когда мы выходили из Мурманска, капитан сказал о маршруте: «Путешествовать с эхолотом». А когда миновали Кольский залив, велел бросить якорь, спустить шлюпку.

Остров Кильдин, как мрачный страж, стоит у входа в Баренцево море. Над ним возвышается утес Лихой. Есть что-то зловещее в его слухах. Особенно когда дождь.

На берегу было то, что хотел показать мне капитан. Обломки шлюпок, разбитые весла — останки кораблей...

— По дну моря проходит наменная гряда, — говорит капитан. — Каждый пин ее прощупан эхолотами, проступан и промерян. На острове горят три маяка и четыре огня. С каной бы стороны ни шел корабль, он их заметит. А днем услышит голос маяков. Там стоят мощные передатчики.

...Каново же было тем, кто плавал здесь сто, двести и больше лет назад?

На вершине горы Глядень массивный крест. Сюда поднимались рыбацкие жены и подошгу глядели в море, ожидая, не мелькнет ли в волнах знакомый нарбас...

«...Зима, по всей вероятности, доконила бы нас. Я не хотел быть виновником гибели моих спутников. Я решил на обратный путь» — это строки из дневника подпоручика Петра Пахтусова. Отважному исследователю и разведчику не суждено было дожить до зимы. Он умер в возрасте тридцати шести лет, составляя отчет об экспедиции.

...За морскими дорогами нужен глаз да глаз. В устьях рек, впадающих в море, неожиданно появляются кочующие мели. Под напором ураганов рушатся подводные скалы, и, когда с наменного дна поднимаются затонувшие корабли, первыми об этом должны узнать и предупредить всех гидрографы.

Они обязаны «дирижировать» огромным маячным хозяйством, разбросанным по бесчисленным островам и островам, по всему побережью. Угаснувший или замолчавший маяк — это уже «ЧП», большая опасность для проходящих кораблей.

Такая работа у гидрографов.

*«Мы вышли в море
в разгар арктического лета».
Слушайте
репортаж-путешествие на звуковой странице.*

Он человек был, человек во всем...

В. Шекспир

Лет сто назад в Англии и Германии популярна была своеобразная игра в «исповеди».

До недавнего времени была известна такая исповедь Маркса и исповедь его старшей дочери Женни. Но вот в 1960 году один из правнуков Маркса — Марсель Шарль Лонге — привез в подарок Институту марксизма-ленинизма целую тетрадь исповедей, которые собирала Женни Маркс. Среди них была неизвестная исповедь Фридриха Энгельса.

Исповедь Маркса знакома многим. В общем она написана вполне всерьез. Исповедь Энгельса, человека в высшей степени жизнерадостного и остроумного, составлена, можно сказать, в несколько «легкомысленном» тоне. Вот некоторые вопросы, заданные Энгельсу, и его ответы.

Достоинство, которое вы больше всего цените в людях? — Веселость.

В мужчине? — Не вмешиваться в чужие дела.

В женщине? — Умение занять место на свое место.

Ваша отличительная черта? — Знать все наполовину.

Тут с автором можно и не согласиться. Человек, которому принадлежит заслуга систематизации марксистской теории и специальная разработка такой ее стороны, как диалектико-материалистическое понимание природы, человек, который разбирался в тонкостях высшей математики и обобщил достижения современного ему естествознания — физики, химии, биологии, выдающийся знаток иностранных языков и военного дела. Нет, такой человек не мог, разумеется, «знать все наполовину».

Ваше представление о счастье? — Шато-Марго 1848 года

Георгий
БАГАТУРИЯ

человек и его исповедь

Ваше представление о несчастье? — Визит и зубному врачу.

Второе (и по-человечески) понятно. А что такое «Шато-Марго»? Это марка вина. Впрочем, случался ли тут 1848 год? Ведь это же год европейской революции, непосредственным участником которой был Энгельс. К моменту исповеди прошло ровно 20 лет. Так что же здесь он имел в виду — вино двадцатилетней выдержки или счастливое время революционной борьбы? Пожалуй, и то и другое.

Недостаток, который вы считаете извинительным? — Излишества всякого рода.

Недостаток, который внушает вам наибольшее отвращение? — Ханжество.

Ханжества Энгельс терпеть не мог. Так, в статье «Георг Верт» он отмечал, что домашняя мещанская стыдливость служит лишь прикрытием для тайного сквернословия.

Ваш любимый поэт? — «Рейнке-лис», Шенспир, Ариосто и т. д.

Ваш любимый прозаик? — Гете, Лессинг, д-р Замельсон.

В то время у Энгельса болели глаза. Не удивительно, что рецепты доктора Замельсона относились тогда к его «любимой прозе». Когда 15 лет спустя умер Маркс, после него остались тысячи страниц рукописей II, III и IV томов «Капитала», написанных труднейшим почерком. Месяцами расшифровывал и диктовал Энгельс их текст, готовя его к печати. И, видимо, снова вспоминая он своего любимого прозаика — доктора Замельсона.

Ваше любимое житийное правило? — Не иметь никакого.

Ваш любимый девиз? — Относиться ко всему легко.

Так кончается исповедь. Таков этот замечательный человеческий документ, из которого пред нашим мысленным взором встает обаятельный образ человека, друга и сподвижника великого Маркса.

завтрашние песни?

ПЕРВАЯ
ПЛАСТИНКА

«Отдыхай от своих музыкальных занятий за чтением поэтов», — наставлял Роберт Шуман в «Жизненных правилах для музыкантов». В комнате Марка Миннова стихов больше, чем нот; они на полках, на письменном столе, на фортепьяно. Но стихи для него не отдых, он не отделяет их от музыки — потому, наверное, и стал он писать песни.

Три учителя музыки один за другим оставили безнадежные попытки удержать за фортепьяно ленивого ученика. Его отвращение к инструменту казалось непреодолимым. Марк сочинял музыку с пяти лет, даже ухитрился записывать ее. Но играть гаммы? Нет. Только первые уроки композиции примирили музыканта с музыкой. Год назад Марк Минков окончил Московскую консерваторию по классу Арама Хачатуряна, а в нынешнем принята в Союз композиторов. В списке его сочинений — виолончельный концерт, соната для скрипки и фортепьяно, цикл романсов «Балаганчик» (на стихи А. Блока) и несколько песен — шесть или семь. Он пишет песни и романсы на слова Г. Гейне, А. Ахматовой, Б. Пастернака, В. Броневского, А. Кронгауза, А. Тарновского, Е. Евтушенко и не просто перекладывает стихи на музыку, не просто ищет музыкальный образ для данного стихотворения — в каждой песне он стремится передать свое понимание поэта. Слово он на

только композитор, а и переводчик, который должен изменяться в стиле с каждым новым для него поэтом и которого узнают лишь по уровню мастерства.

Когда человек берет в руки гитару, ее стандартные аккорды сами подсказывают несложную, хотя, бывает, и очень ирисную мелодию. Оттого иногда кажется, что ныне «все пишут песни». Если же музыкант идет к песне не от десятка аккордов гитарного сопровождения, а от симфонического оркестра, скрипки, виолончели, он владеет огромным богатством выразительных средств. Мыслимо ли сочетать такое богатство с простотой, необходимой популярной песне? Марк Минков стремится к этому. Время покажет, получится ли у него. Кто знает, может быть, он угадает, какой будет песня завтрашнего дня?

Пока что Марк улыбается: «Знаете, лучше написать хорошую песню, чем плохую симфонию».

А. ПОЛЫХИН

Фото Л. Лазарева.

Наша одиннадцатая звуковая страница — первая пластинка с песнями композитора Марка Минкова.

Алексей Баталов сыграл Федора Протасова в сорок лет. Столько же главному герою «Живого трупа». То, что герой Баталова — человек сравнительно молодой, делает его конфликт с окружающей средой более глубоким и драматичным. Ведь обычно Протасова играли человеком пожилым, все изведавшим, все познавшим. А когда опустошенность, ощущение своей несовместимости с обывательским миром посещают человека, полного сил, все обретает другую тональность.

Баталова интересовали не столько подробности жизнеописания героя, внешняя логика его поведения, сколько социальное исследование характера. Актер стремился показать, что душевный кризис Протасова — это драма мыслящего, совестливого интеллигента, нравственные принципы которого не соответствуют официальной морали. Ему душно в атмосфере лжи, ханжества, всеобщего стяжательства, стыдно состоять при бесполезном деле, его поиски естественности и истинности в окружающей жизни оказываются неприятными.

История театра хранит имена знаменитых исполнителей Протасова. Мы помним: сцена самоубийства выглядела всегда эффектно, воспринималась как проявление благородства и силы духа. Алексей Баталов иначе распорядился с этой ролью. Он развенчивает Протасова как личность романтическую. Его реплика: «А я — не герой» — служит оселком роли. Пытаясь скрыться, уйти в никуда, Протасов не может по-прежнему с прошлым. Он продолжает страдать, любить, ревновать.

М. КВАСНЕЦКАЯ

время страстей человеческих

Алексей БАТАЛОВ

Наступает день, когда нартну раскладывают по моробнам, подписывают соответствующие документы. И все, что связан с ней, оказываются нан бы ни при чем.

Не берусь судить, как уж там переживают этот момент люди других иннематографических профессий. Наверное, иные облегченно вздыхают, кто-то говорит: «Наконец-то отделались, развязались, можно заняться чем-то другим, новым», — но знаю наверняка: для антеров это — трудное время.

После долгих иснаний и сомнений вот только теперь, в самом

ионце, впервые целином видишь, что же на самом деле получилось. Все становится ясным: открываются промахи, ошибки, неожиданные находки, очевидным становится то, о чем приходилось спорить до хрипоты, и то, о чем можно было только догадываться.

Серьезно говоря, только после просмотра всего целином следовало бы и начинать осмысленную антерскую работу. И в театре зачастую после первых прогонов роли претерпевают решающие изменения, обретают окончательные черты и акценты. Но в кино другое дело: картина и роли начинают жить самостоятельно в

единственном и непоправимом варианте.

Однако то, что просто на бумаге, и даже то, что реально свершается, далеко не всегда свидетельствует об исчезновении внутренних связей — раздумий, ощущений, сопоставлений.

Есть роли, которые еще долго, после того как фильм появился на экране или спектакль снят с репертуара, остаются в душе исполнителя, живут с ним, я думаю, даже развиваются и совершенствуются. Они не видимые и не слышимые, влияя на все, чем приходится заниматься их бывшему исполнителю.

Так и Федор Протасов, с которым мне довелось встретиться в фильме, пришел в мою жизнь задолго до самой работы. И сегодня остается в ней не только воспоминанием о прошлых днях.

Такие роли, как Протасов в русской драматургии или шекспировские в западном театре, по сложности и внутреннему многообразию тают в себе бесконечность совершенствования. Во всяком случае, никак не исчерпываемого одним решением, одним исполнением.

Выбрав свой путь в такой роли, вы, исполнитель, даже будучи до конца убежденным в своей правоте, уже во время работы знаете, что есть и остается еще многое, что может быть иначе истолковано, иначе сыграно, иначе решено, поскольку не изменяя общего рисунка. В любой сцене всегда можно отыскать и еще какие-то оттенки, акценты, мысли, чувства.

Снажем, рассказывая о своей жизни только в одной сцене с Петушковым, Протасов множество раз противоречит сам себе.

Сидя в третьесортном кабаке за рюмкой водки с терпеливо выслушивающим его жалобы приятелем,

он в каждый момент остается совершенно искренен и откровенен.

Он поддается ослеплению охватывающих его в это мгновение чувств и всякий раз верит до конца в то, что оно и было так, как кажется ему сейчас.

Но сами обстоятельства и чувства, которые обнажает Толстой, настолько сложны и противоречивы, что можно найти основания самым неожиданным протиаположным толкованиям судьбы Протасова, его взаимоотношений с людьми и с окружающим миром. Вот почему, несмотря на фантасическое окончание работы, Протасов остается для меня и сегодня совершенно таким же интересным и невыразимым, как в первые дни съемок.

Может быть, я теперь больше о нем знаю, быстрее угадываю ход

его мыслей, но всякий раз мне кажется, что они движутся иначе.

Антерская жизнь слишком коротка, и мне, видимо, уже никогда не удастся представить кинозрителям то, что с каждым днем я сам для себя открываю в этой роли. Но в глубине души я надеюсь, что все это не исчезает бесследно и каким-то образом когда-то отражается в других работах, обогащая антерскую судьбу и жизнь.

На звуковой странице вы услышите запись, сделанную для «Кругозора» год спустя, после того как закончилась работа над фильмом. Фрагменты пятого действия пьесы Л. Н. Толстого «Живой труп».

Кадры из фильмов:

«Девять дней одного года», «Живой труп», «Дорогой мой человек», «Дама с собачкой».

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

Сергей МАРКОВ

БОГОРОДИЦА СНАЙПЕРОВ

Перекрашена коса.
 Кто, скажите мне, она?
 Соломбальская краса?
 Самоедская княжна?
 За крутой изгиб бедра
 Да за русую косу
 Полюбили снайперы
 Соломбальскую кривсу.
 Старый практик и мудрец.
 Прощельгам не а пример.
 Богородицы отец —
 Корабельный инженер.
 ...Поражая бедный слух.
 Широко раскрывши рот.
 Первый снайпер, как петух.
 Голосисто проноет.
 Богородицы герой.
 Эзровой, он вечно юн...
 Это первый. А второй —
 И заянка, и хвостун.
 В окнах снежно и темно.
 Спой скорей, стрелок! С тобой
 Пьют багровое вино
 И поэт, и зверобой.
 В стороне храпит пилот.
 Завалившись на диван.
 Видит светлый самолет.
 Леды, тюленей и туман.
 Снайпер крутит граммофон.
 Ест соевый огурец.
 Но тебе издыхает он.
 Богородица сердце!
 Шторы движутся с морей.
 Пробиваясь сквозь туман.
 И стучится у дверей
 Загулявший партизан.
 «Дайте мне, друзья, вина.
 Жизнь сегодня не мила.
 Непонорная жена
 Партизанка извела!»
 За окошком снег и мгла.
 И, с трудом ища кровать.
 Наш заянка из угла
 Что-то силится сказать:
 «Ох, уж наша богородица!
 Где-то с кем-то хорожится!»
 Поглядев вино на свет,
 Съев десятый бутерброд.
 Вороненый пистолет
 Снайпер с хохотом берет.

Успокоился боец.
 Грудью лег на шаткий стол.
 ...Богородицын отец
 Чинит ветхий ледокол.
 В донце шум стоит с утра
 И, осматривая ют,
 Молодые мастера
 Песни новые поют.
 Богородица! Внивь
 Твоего иельзя отца
 В том, что некому чинить
 Нам разбитые сердца.
 Это делать нелегко —
 Никогда не позабудь!
 Легче старому «Садко»
 Заклепать стальную грудь
 Богородица! Я нем.
 Нет а стиха моих огня,
 Для писания поэм
 Нет досуга у меня.
 Затерялся мой талант
 Меж докудливых забот.
 Как меж угольных шалауд
 Побывавший в бурях бот.
 Но, князьку мезенским мхом.
 Мир устроен для победы!
 Я вапел бы петухом.
 Встретив северный рассвет.
 Богородица пришла!
 Распахнула двери вдруг.

Вся в снегу, сама белая
 Встала а наш шумящий круг.
 Расцветает ясный день.
 Словно тундровый цветок.
 «Бей без промаха а мишень!» —
 Поучает нас стрелок.

Архангельск

ДЕВИЧЬЯ ГРУДЬ

Кто был у Девичьей груди?
 Твоя есть гора!
 ...Огонь и солнце впереди
 И степь из серебра.
 Меж двух сияющих холмов —
 Как я заметить смог —
 Под ожерельем валунов
 Лежит раздельный лог.
 Мы ради сказочных вершин
 Прервали долгий путь.
 Выходим, молча, из машин.
 Тепла земная грудь
 Нам показалась нет конца
 Великой тишине.
 И два коралловых венца
 Произлили сердце мке...
 Мы возвращаемся назад.
 И кружатся в ночи

Над городом Семи Палат
 Песчаные смерчи.
 В далекий край возарата нет.
 Заметены пути —
 Туда, где розоает свет
 На Девичьей груди.

Казахстан

ПРАДЕДЫ

Грамоты и легенды
 О них рассказать могли...
 Лерманты и Рыленты —
 Люди Шкотской земли.
 Не сосчитать асех звенев
 Трудного их пути.
 На Пею-реку, в Парфеньев,
 Им довелось прийти.
 И завели ночинок
 Они в стороне глухой.
 Перенахали сугайнок
 Березовою сохой.
 Сдвинули с места горы.
 Горе сваяли с плеч.
 Из Джорджей вышли в Егоры,
 Нашу назвали речь.
 За хлеб, за русскую ласку
 Сторицею заплатав.
 Забыли далекий Глазго, —
 Евидли в Кологрив.
 Моллились в Никола-Шпри.
 Слушали звон кости.
 Пудовые русские гкри
 Ставили на весы.
 Уже не звались шотландцами,
 Кошлы свое добро.
 Четвериками и гарницами
 Меряли серебро.
 Так без неправды и ябеды,
 Попросту, без затей.
 Жили на Севере прадеды
 Великих русских людей.

Москва

Гравюры Ю. Космынина

РАДИ СКАЗОЧНЫХ ВЕРШИН

Продиктовано Музыкой

Фарида ФАХМИ

Микрофоны шестой звуковой страницы — на сцене Киевской оперы.

СОЛИСТЫ. Евгения Мирошниченко — темпераментная, неотразимо обаятельная на сцене: трогательная Лючия де Ламмермур, притягательно-властная Шехазханская царица. Кажется, что ей, как птице, природа подарила певучий голос для естественного выражения душевных радостей и печалей — голос нежный, звенящий чистыми трелями... Василий Третий — обладатель редкого по красоте, диапазону, силе звучания баритонального тенора. Человек с мягким и добрым сердцем, веселый, теплый, с глазами, ясными почти по-детски. Его Отелло — это незабываемое воплощение искренности и доверчивости — поруганной, обманутой доверчивости... Гизелла Ципола — трепетная, прелестная Дездемона, ранящая нас в самое сердце своей беспомощностью... Красный и сценически выразительный Дмитрий Гнатюк — настоящий герой баритональных партий... Сегодня солисты Киевской оперы — это В. Тимохин и М. Шваченко, В. Терехов и А. Ки-

Незабываемый триумф советской вокальной школы на IV Международном конкурсе имени П. И. Чайковского: всеобщее восхищение слушателей, членов жюри. Единодушно присуждения всех золотых, серебряных и бронзовых медалей нашим, советским певцам. Среди лауреатов и дипломантов солисты Киевской оперы — Евдокия Колесник, Виктор Тринин, Гизелла Ципола. Мне это кажется закономерным. На сцене Киевского оперного театра я слышала и Верди, и Доницетти, и Губаренко, и Лятошинского. Да, киевская труппа необычайно певуча. Издавна славится Украина своими голосами. Знаатоки утверждают, что одна из возможных причин — язык. Мягкий, певучий украинский язык будто создан для воспроизведения в пении. И из поколения в поколение передаются эти трепетные, полные души и сердца голоса. Итан, Киевская опера...

ють, Б. Рудекио и З. Христич, Е. Чавдар и В. Рена и еще многие другие маститые и совсем молодые вокалисты.

ХОР. Хор Киевской оперы — великолепная масса звука. Пение этого хора может быть сложной полифонией, в которой контрастные мелодические линии сливаются в безбрежный поток звучащей красоты, или редким по слаженности унисоном, когда десятки человек поют, как один: исполнены одной воли, одной страсти, одного внутреннего дыхания.

ДИРИЖЕР. Главный дирижер Киевской оперы — Степан Турчак. Нет, не только дирижер, но и режиссер. Человек, щедро одаренный природой, С. Турчак — истинный постановщик каждого спектакля, который он ведет, природный оперный дирижер. В общении с ним еще раз осознаешь,

что опера как сценический жанр рождается музыкой, дышит музыкой, принадлежит музыке...

РЕПЕРТУАР. Директор Киевского оперного театра (и его главный хормейстер) В. Колесник говорит: «Мы стремимся расширить золотой фонд оперной классики. Для этого и постановке надо подойти с современной точки зрения, с позиций нашего дня». В ближайших планах театра — «Борис Годунов» Мусоргского, современная венгерская опера и, как ее контраст, Моцарта (XVII век)... Вот уже несколько лет продолжается дружба Киевского оперного театра с украинским композитором В. Губаренко. Результат творческого содружества — балет «Каменный владыка», оперы «Гибель эскадры» и «Маман».

...Облик театра подобно облику человека складывается из отдельных черт. Чем более характерна каждая из них, тем более значительным обещает быть целое.

6

Зрительный зал Киевского государственного театра оперы и балета имени Т. Г. Шевченко.

Дирижер С. Турчак.

Сцена из оперы «Богдан Хмельницкий».

Опера «Маяк». Маяк Леско — народная артистка СССР Евг. Мирошниченко.

Фото Б. Градова, И. Козловского.

Отдак приказ, чтобы после десяти часов вечера ворота, ведущие в предместье, были заперты. Солдаты зарядили ружья. Громко разговаривать нельзя, а то полиция предоставит квартиру.

(Н. Зимроку. 2 августа 1794 г.)

С какими бы трудностями это ни было связано, следует всегда стремиться к недостижимой цели, которая перед нами поставлена искусством и природой.

(Кристине Герарди. 1797 г.)

Уж много раз я проклинал создателя за то, что он отдал свое творения во власть ничтожнейшей случайности, от чего нередко надламываются, никнут и погибают красивейшие цветы. Знай же, что ценнейшее из качеств, которыми я наделен, — мой слух — очень слаб.

(К. Амеиде. 1 июля 1801 г.)

Хотя бы наполовину избавиться мне от моего недуга, и тогда я явлюсь к Вам как достигший совершенства зрелый человек, и обновлю наши старые дружеские чувства. Вы должны меня видеть счастливым, насколько суждено мне это здесь, на земле, а не несчастным — нет, этого я бы не мог перенести — я схвачу судьбу за глотку, совсем меня согнуть ей не удастся. О, как прекрасно жить, тысячу раз жить!..

(Ф. Вегедеру. 16 ноября 1801 г.)

Князь! Тем, что Вы собой представляете. Вы обязаны случаю и происхождению; я же достиг всего сам. Князей было и будет тысячи. Бетховен же только один.

(К. Лихновскому. Осень 1806 г.)

Нисколько не претендуя на собственную ученость, я с детства, однако, стремился постигнуть то лучшее и мудрое, что создано каждой эпохой. Позор артисту, который это не считает для себя обязательным хотя бы в меру своих сил...

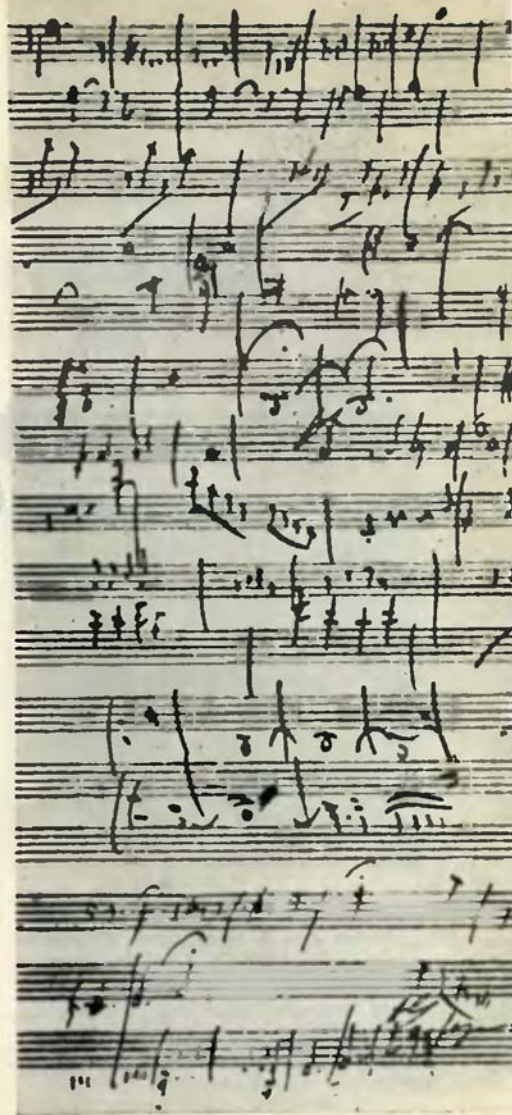
(Г. Гертелю. 2 ноября 1809 г.)

Вы спросите меня, откуда я беру свои идеи? Этого я не в состоянии Вам сказать достоверно... Я улавливаю их на лоне природы, в лесу, на прогулках, в тишине ночи, ранним утром, возбужденный настроениями, которые у поэта выражаются словами, а у меня превращаются в звуки, звучат, шумят, бушуют, пока не станут передо мною в виде нот... Я перелаживаю многое, отбрасываю, пробую снова до тех пор, пока не бываю удовлетворен, и тогда в моей голове начинается переработка в ширину, в длину, в высоту и глубину. Так как я сознаю, чего хочу, то основная идея не покидает меня никогда: она поднимается, она вырастает, и я вижу и слышу образ во всем его объеме, стоящим перед моим внутренним взором как бы в отлитом виде.

(Из беседы Бетховена с Л. Шлёссером. 1822 г.)

Высказывания Бетховена взяты из готовящейся к печати издательством «Музыка» книги «Письма Бетховена (1787—1811)».

Замечательнейшая страница бетховенского эпистолярного наследия — письмо и братьям, написанное композитором 6 октября 1802 года в местечке Гейлгенштадт, близ Вены. Он выбрал этот уголок для работы и отдыха, надеясь, что природа и покой остановят прогрессирующую глухоту. Тридцатидвухлетний Бетховен почувствовал, что находится на грани отчаяния. Так появилось «Гейлгенштадтское завещание». Оно не стало прощальным словом. То была исповедь героя перед сраженным. Его грохот будет слышен потом в «Крейцеровой сонате», «Героической симфонии»...

ВО ВСЕМ ЕГО ОБЪЕМЕ..

На пятой звуковой странице: отрывок из «Гейлгенштадтского завещания» читает народный артист РСФСР Всеволод Якут.

К

ураповка смеется

Когда мы с поэтессой Наталией Татур записывали тексты песен в селе Кураповка, Куйбышевской области, бабушки-курапушки часов семь подряд пели нам. Потом мы спросили:

— Не устали ли, бабушки?

— Ну что вы, — ответили они, — разве от песен устанешь?..

...За век до «освобождения» крепостных крестьян вырвался на волю зажиточный тамбовский мужик Петр Курапов. С чадами и домочадцами осел он на берегу реки Самары, положив начало будущей Кураповке.

Село Кураповка лежит в ложине между холмами и рассечено глубокими оврагами. Если идти с холмов, то может показаться, что за-

литая туманом инзина и не село вовсе, а широкая река; не огни домов, а колеблются отраженные звезды.

Кураповка не знала крепостничества. Крестьяне были обязаны не только обрабатывать, но и защищать заволжские степи от немирных кочевых орд. И, может быть, потому, что отсюда до царского Петербурга было дальше, чем до пугачевского Оренбурга, на этих полях вольготней пелось. Песня — это стиль, основной признак, главная особенность Кураповки.

Сидор ты мой Карпович,
А чем ты будешь детей кормить?
Ой, бабушка, пирожком,
Сударыня, пирожком.

Данильевна, Гаврильевна,
Захарьевна, Макарьевна,
Ой, бабушка, пирожком,
Сидор ты мой Карпович,
А где ж ты возьмешь пирожки?
Ой, бабушка, по миру,
Сударыня, по миру,
Данильевна, Гаврильевна,
Захарьевна, Макарьевна,
Ой, бабушка, по миру...

Заметьте, с каким изяществом передается многообразие (почти под каждым окном) вопросов нищему: чем детей кормишь? И всем Данильевна и Гаврильевна охотно и ласково отвечает Сидор Карпович, и он прав в своей наивной откровенности: именно «сударыни-бабушки», крестьянский мир и прокормят его детей.

Многое в Кураповке объяснялось и комментировалось песней. В ходу были насмешки над человеческими недостатками. На каком-нибудь деревенском празднике могли повелить пьянчужку таной песней:

Как по погребу бочоночек
катается, и вальяется,
И катается, и вальяется,
Как Сергей над женой
измывается,
Он и чванится, и чухванится:
Ты разуй меня, жена,
Разобуй меня, жена...
Чего только стоит это «чухванит-ся»!

Такая направленная, «исправляющая» сатира вечна. Но еще

живучей она была привычка кураповцев сойтись полетать. То под гармонь с колонольницами, а то и просто так.

Кураповская народная песня не погасла вместе с последнею лучиной. Сегодня в Кураповке песня — это не художественная самодеятельность, не клубное мероприятие — это одна из форм обычного общения людей друг с другом.

Запевала кураповских певцов — Александра Степаиовна Давыдова — заслуженная колхозница, энергичная, властная женщина. Уверенно, грамотно, деловито руководит хором. Всю жизнь она пахала землю, растила телят. В Отечественную войну она со своими подру-

гамн (а им и тогда уже было под пятьдесят) объехала все окрестные госпитали.

В прошлом году кураповцы впервые попали в Москву. Они стали дипломантами первого Всероссийского смотра фольклорной песни, организованного на ВДНХ Центральным Домом народного творчества имени Крупской.

Лев ЩЕГЛОВ
с. Кураповка,
Куйбышевская обл.
Фото Л. Лазарева.

Хорошая песня всегда молода. Это знают в Кураповке все от млада до велика.

Зайдите
в старинный
русский дом
и познакомьтесь
с бабушками-курапушками.
Слушайте
седьмую
звучную страницу.

слушайте

в

номере

11(80) ноябрь 1970 г.

**ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЗВУКОВОЙ ЖУРНАЛ**

Год основания — 1964.

**ИЗДАТЕЛЬ:
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
КОМИТЕТ СОВЕТА
МИНИСТРОВ СССР
ПО ТЕЛЕВИДИНИЮ
И РАДИОВЕЩАНИЮ**

На 1-й странице обложки
работы художников
И. Ованесова, А. Рыкова,
Ю. Иванова (Москва):
«Мы наш, мы
новый мир
построим»

Режиссер
Н. П. Субботин
Художник
А. С. Шторх
**Технический
редактор**
Л. Е. Петрова

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

Адрес редакции:
Москва, ул. академика
Корнеева, 12.
Телефоны редакции:
181-79-53, 181-79-48.
B 05407.

Сдано в набор 25/IX
Подп. к печ. 14/X 1970 г.
Формат бум. 84 × 108^{1/2}.
Усл. п. л. 1,68.
Уч.-изд. л. 1,4.
Тираж 350 000 экз.
Зак. 2643. Цена 1 руб.

Ордена Ленина
типография
газеты
«Правда»
имени В. И. Ленина.
Москва, А-47,
ул. «Правды», 24.

1. В звуковую инсигу о Ле-
нинне. «Нашинно. Год 1920». Рес-
таврация события.

2. «Поединок с Локкартом». Рас-
сказ чениста Яна Буйкиса.

3. «Ночь засветит маяк». Пу-
тешествие по морю Баранца.

4. Театр «Кругозор». Алексей
Баталов — Федор Протасов.

5. Бетховен. Из «Гейлиген-
штадтского завещания». ЧИФСТ
народный артист РСФСР
В. Якут.

6. Голоса Киевской оперы.
В. Тимохин. Украинская песня
«Черные очи»; Е. Мирошничен-
ко. Каватина Розны из оперы
«Севильский цирюльник»; фи-
нальный хор-ревюем из оперы
В. Губаренко «Гибель эскадры».

7. Фольклорная экспедиция
«Кругозора». «Бабушкин-кура-
пушки». Поэт Лев Щеголов пред-
ставляет деревенских песенниц.

8. Сергей Марков. «Лебеди
плывут над Лебедянью». Пла-
стинка поэта.

9. Микис Теодоракис: «Души
народов сливаются в песне». Ин-
тервью композитора. Песни:
«Никогда» и «Мномо твоего ок-
на». Поет Катина Зорбала.

10. Песенные премьеры. Г. По-
дельский, Н. Рыленков. «Свети,
звезда»; О. Фельцман, Н. Олев.
«Ленный дождь». Поют Г. Не-
нашева и М. Магомаев.

11. Первая пластинка. Мари
Минков. «Лилипут» (слова
А. Кронгауза), «Слушая песню
Сольвейг» (слова Е. Евтушенко).
Исполняют Е. Камбурова и
Л. Лещенко.

12. Эстрада планеты. Внце
Вуков (Югославия), А. Кабилю.
«Мир велин»; П. Готовац. «Раз-
борчивая Марья»; С. Михалинец.
«Если ты сейчас уйдешь...»

Звуковые страницы
изготовлены Всесоюзной
студией грамзаписи
фирмы «Мелодия»
и Государственным
Домом радиовещания
и звукозаписи.

Сведения об этом можно найти в дошедших
надирателях Аверофа.

Среди полуграмотных тюремщиков Гомеров не
найти. И поэтику тюремных рапортов не утирает
величавая поступь гензаметра. А ведь история
эта не менее эпична воспетых в «Одиссее» песно-
пейный азда Демодоно во дворце Алкиноя.

Ничего на подделаша: пока официально грече-
ская «литература» предстает в убюистве газет-
ных фальшивок и бубнит приказами хунты, по
стилю напоминающими барабанную дробь при
расстрелах. Но настает время — Греция найдет
слова и ритмы для сегодняшних трагедий и эпо-
сов. Тогда и история «эпифанис» будет воспета
достойно.

Сейчас я просто перескажу все, как было. Все,
что рассказал мне Микис Теодоракис.

21 апреля 1967 года в Греции свершился мятеж
«черных полковников». 24 апреля Микис обратил-
ся к греческому народу с призывом о сопротив-
лении. Четыре месяца он боролся в подполье, в
августе его арестовали. Снова, как во времена гит-
леровского фашизма, были допросы в охранке-ас-
фальни, снова впереди были концлагеря и ссылки.
А до того — Авероф, афинская тюрьма Авероф.

В дни, о которых идет рассказ, Микис объявил
голодовку. Он лежал у окна своей камеры, лежал,
пытаясь растинуть силы.

Тогда-то в Аверофе и появились два подростка,
переведенные из тюрьмы для несовершеннолетних
I-Красише, как ангелы, — сказал Микис. Они
пронесли в тюрьму книгу поэта Сефериса «Эпи-
фанис».

Пожалуй, стоит объяснить, что значит «Эпифа-
нис». О, это многопеснейшее празднество с риту-
альным обжиом и беззаботным песенным нра-
зом! В волюи нырлет брошенный крест, взывая

*В дни заточения Микиса песни,
созданные им в застенке,
звучали по всему свету. Один
из концертов вы услышите
на девятой звуковой странице.*

**ПРЕМЬЕРА
В ТЮРЬМЕ
АВЕРОФ**

и явлению бога. Впрочем, подлинного бога всем давно искучило ждать, и божество восходит над толпами в прекрасной ипостаси музыки и надежды.

И Минис решил возродить празднество «Эпифанни». Пусть человеческий дух ликует. Не над безграничностью моря — в скудном пространстве за стенами, стиснутом камнем. Человеческий дух — вне регламентов места и предданий. Тут будет явление бога, нестаряющегося, вне религиозного бога Свободы.

Он лежал у окна в общей камере и сочинял музыку на стихи Сефериса. И заключенные стояли, сидели молча, дабы ничемным словом не спугнуть музыку, когда Минис отворачивался от них к стене, чтобы записать мелодию.

Мне все время приходят на память античные аналогии. Наверное, это неизбежно для каждого, кто пишет о Греции, по слову Пушкина, «стране героев и богов». Сегодня — героев, что важнее.

Когда родился античный театр, автор был сам единственным актером и персонажем, разговаривающим с хором; Гипокрит звался он — «ответчающий».

Минис представляется мне этим Гипокритом, заключенные — хором, с которым он беседовал песней. Но в слове «ответчающий» видится мне еще однок смысл, ироющийся в самом нраве Миниса: он всегда «ответчающий» за других — ответственный. Он отвечал за мужество узников.

За три дня он написал три цикла. Он писал уже сидя, он не растягивал сил. Кроме «Эпифанни», «Мидмоториума», еще «Потамос» («Река») — песню с получасовым звучанием. Это было новацией. Бунтари не бывают консервативны ни в чем.

К нему в камеру тайно приходили заключенные из других камер, он отбирал лучшие голоса и

разучивал с ними песни. Один из заключенных читал вслух текст, другой разбирал мелодию, и дело шло.

И тогда на клочках бумаги они написали «Вы приглашаетесь на международную премьеру новых песен Теодоракиса в театре Альяфи».

В этом театре не было зрительного зала, и термин «намерная музыка» здесь обрел новое значение: в условленный день и час пели все камеры, куда заключенные разнесли музыку. Особенным успехом пользовалась песня «Скоро увидим, как расцветает миндаля».

Об этом можно прочесть в колонках тюремных надзирателей. И еще о том, что голодовка Миниса и буря международного протеста все-таки перепугали «черных пачоаников». 28 января 1968 года к нему в камеру вошел тюремщик: «Собрай свои вещи и выметайся». (Он и здесь был опасен. Решили сослать в далекую деревню Затуна.)

Трудно сказать, как распространяются слухи по тюрьмам. Но через полчаса уже все знали, что Миниса выпускают.

Он шел по тюремному двору, когда в спину ему ударили голоса. Он обернулся: повиснув на решетках, люди смотрели ему вслед (даже уголовники примкнули к политическим). И все пели: «Скоро увидим, как расцветает миндаля».

Премьера продолжалась.

«Скоро увидим», — сиял Минис.

Галика ШЕРГОВА

Минис Теодоракис в Москве. Август 1970 г.

Фото В. Кошеного

Цена 1 руб.

ЭСТРАДА ПЛАНЕТЫ

ВИЦЕ ВУКОВ

Югославия

Признаться, я с удивлением обнаружил, что даже знатоки эстрады еще не знают имени Вице Вукова и не слышали его голоса.

Вице Вуков не стал певцом, он, можно сказать, родился им, потому что он из Шибеника, ослепительно солнечного белого городка на Адриатическом побережье Югославии. А в Шибенике все поют. Я проходил там по улчке и вдруг услышал, как поет мальчик: поет прекрасным, хорошо поставленным голосом, хоть сейчас в студию на запись. Здесь все поют и все понимают тепи в голосах. Прославиться певцом в Шибенике — вдвойне трудная задача. А известность пришла к Вице Вукову не с фестивалей — он добыл славу у себя в Далмации. Это потом уже посыпались награды: на конкурсах в Братиславе («Серебряный ключ»), в Лондоне и Неаполе (Гран-при Евроиндана).

У Вице Вукова богатый репертуар — от народных далматинских песен (на снимке — певец в национальной одежде) до оперных арий. Он поет полные безответной страсти неаполитанские песенки, поет медленные лирические, но и самая печальная песня в исполнении Вице Вукова выходит не грустной, в ней побеждает радость жизни. Пусть безответная любовь, но любовь! Пусть жизнь в разлуке, но жизнь! Вице Вуков переосмысливает песни на свой лад так что самые известные мелодии звучат по-новому.

Слушателей привлекает на концерты Вице Вукова его жизнерадостность, простота, обаяние молодости. Когда вы будете слушать отобранные для звуковой страницы его песни, может показаться, будто он много движется на эстраде, играет, «драматизирует» песню. Это не так. Я много раз слушал Вукова. Он держится перед слушателями строго, у него мягкие, я бы сказал, «интеллигентные» жесты. Его богатство — в голосе, ему незачем прыгать по сцене, танцевать: он все может выразить голосом. Если бы меня спросили: «Как поет Вуков? Кого напоминает его манера?» — я бы ответил, пожалуй: «Это далматинский Магомаев».

Д. БЕЛОВ